

позволяющего приблизиться к сущностному смыслу этой «данности», разгадать ее прогностический вектор.

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в 5 т. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

Грейвс Р. Агамемнон и Клитемнестра. Месть Ореста // Мифы Древней Греции. М. : Прогресс, 1992. С. 263–276.

Еврипид. Трагедии. В 2 томах. Т. 2. Перевод И. Анненского. М. : Наука, Ладомир, 1999. С. 5–65, 671–674.

Константинов А. В., Резвых П. В. и др. МИФ // Большая российская энциклопедия. Том 20. Москва, 2012. С. 475–477.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 5–8.

Софокл. Драмы. В переводе Ф.Ф. Зелинского М. : Наука, 1990. С. 270–322, 573–579.

Фесенко О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. С. 132–144.

Шаров Вл. Царство Агамемнона. М. : АСТ, 2018. 672 с.

Эсхил. Трагедии. Перевод Вяч. Иванова М. : Наука, 1989. С. 161–195.

Ярхо В. Н. Электра // Мифы народов мира М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 1116–1117.

Shemyakina M. P. Epistolary Interpretation of the Myth of Electra in the Novel «The Kingdom of Agamemnon» by V. Sharov

Abstract. The aim of this work is to reveal epistolary genres as a system manifesting the real reality of the twentieth century, and to show its essential meaning through interrelation with the ancient Greek myth, which is based on the story of the Mycenaean king Agamemnon, the champion of truth, and his daughter Electra. The factology of the tragic events of the recent century was highlighted by the depth of the myth, which allowed V. Sharov to show in the novel the image of a real man in real history as the truth.

Keywords: epistolary heritage, Electra, myth, Sharov, Agamemnon's kingdom

А. Ю. Носкова

(научн. руководитель Т. А. Снигирева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Жанр письма в творчестве Александра Вавилова

Аннотация. Статья посвящена специфике жанра эпистолы в поэтическом творчестве А. Вавилова. Рассматриваются особенности субъектной и композиционной структуры стихотворений «Письмо», «Письмо с флота», «Письмо Барака Обамы», «Письмо из города бесов», «Письмо Одину», а так же своеобразие коммуникативной ситуации, реализуемой в художественном мире поэта. В результате анализа был сделан вывод о том, что эпистола является вариантом ролевой лирики А. Вавилова, а границы жанра письма в его индивидуально-авторском воплощении оказываются подвижны.

Ключевые слова: А. Вавилов, эпистолярный жанр, коммуникация, ролевые стихотворения, абсурд.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1898 год) термин «послание» (epistel) – письмо в стихах – определяется как «литературная форма, почти вышедшая из употребления» [Брокгауз, Ефрон 1898: 679]. Примечательно, что и в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина от 2001 года в словарной статье М. Л. Гаспарова оговаривается, что к середине XIX века послание как жанр перестает существовать [Гаспаров 2001: 763]. Но на протяжении всего двадцатого столетия, которое разделяет эти два толкования, в эпистолярном жанре создается целый корпус поэтических текстов – от поэзии Серебряного века до лирики И. Бродского. Возникает закономерный вопрос: если в конце девятнадцатого столетия, после достаточно продолжительного периода расцвета эпистолы (от классицизма до романтизма), активное обращение к этому жанру в поэтическом творчестве действительно идет на спад, то почему в начале XXI века посланию вообще могло быть отказано в текущем существовании? Думается, причина может заключаться в том, что до определенного момента поэтические эпистолы не являлись предметом пристального внимания исследователей, однако сегодня уже существуют работы, которые убедительно демонстрируют, что жанр послания, видоизменяясь, продолжает существовать [Артемова 2004: 1–23].

Жанровой доминантой эпистолы является установка на коммуникативную ситуацию в поэтическом тексте, композиционное устройство так же является важным компонентом произведения, поскольку эпистолярный жанр предполагает наличие достаточно четкой характерной структуры: зачин (обращение, приветствие и т.д.), информационная часть, концовка (прощание, приписки) [Коробова 2020: 26–28]. И вот что кажется любопытным: если бытование жанра в прошлом тысячелетии обусловлено тем, что письмо было ведущим средством письменной коммуникации, то сегодня, в эпоху Интернет-взаимодействия, когда доминируют более свободные и неконвенциональные формы передачи сообщений (переписки в социальных сетях, мессенджерах и т. д.), жанр стихотворного письма в своем классическом варианте все же продолжает существовать.

Характерным примером актуализации жанра письма является творчество современного екатеринбургского поэта Александра Вавилова, который создает целый ряд стихотворных посланий, отчетливо выделяющихся на фоне остальных его произведений. Эта отчетливость обуславливается эксплицированием эпистолярной формы непосредственно в названиях стихотворений («Письмо», «Письмо с флота», «Письмо Барака Обамы» и др.). Как правило, в этих произведениях соблюдается и композиционная структура, присущая эпистолярным текстам (зачин, содержание письма, концовка). Однако специфика стихотворений А. Вавилова, созданных в жанре письма, заключается в своеобразной реализации в них коммуникативного акта.

Так, в стихотворении «Письмо» соблюдаются все формальные признаки эпистолы: приветствие, обращение к конкретному адресату («Здравствуйте, многоуважаемый мистер Джон!» [Вавилов 2015: 10]), указание места отправления («Пишу Вам из летнего домика близ Ньюкасла» [Вавилов 2015: 10]), рассказ о текущей жизни, которым делится адресант, прощание («Скучаю и жду ответа. Всецело Ваш» [Вавилов 2015: 10]) и постскриптум («P.S. Надеюсь, Господь пошлет мне нового почтальона» [Вавилов 2015: 10]). Но, несмотря на адекватность формы, коммуникация представляется неосуществимой. Во-первых, принципиальна дисфункция почтальона как связующего звена между адресантом и адресатом («И плюс ко всему – наш единственный почтальон / В ящик сыграл (простите за пошлые каламбуры). / Кстати сказать, мне казалось порой, что он / Сдает мои письма в пункт приема макулатуры» [Вавилов 2015: 10]). Во-вторых, сам образ адресата эфемерен, поскольку имя «Джон» – частотный пример экземплификанта, что указывает на неконкретность условного получателя. Также эфемерность эта подкрепляется сопряжением содержания поэтического послания и формальных текстовых признаков: этикетная формула «скучаю и жду ответа», обращенная к адресату, никак не обосновывается предшествующим содержанием, которое не ориентируется на получателя, а является монологом самого лирического героя, остро переживающего свое одиночество: «Не хотел признаваться, но я

ведь более чем одинок. / Друзья изменились, Джессика тоже теперь другая...» [Вавилов 2015: 10]. На это письмо не может быть дан ответ, поскольку в нем не звучит ни одного вопроса, сама форма письма в этом тексте становится демонстрацией драматизма (и даже трагизма) существования и фактом одиночества человека в условиях обреченной на провал коммуникации.

Однако драматизм в поэтическом мире А. Вавилова проявляется и в ситуациях, когда реализации коммуникативного акта ничего не препятствует. В стихотворении «Письмо с флота» послание лирического героя своей матери имеет конкретную цель: «Пишу тебе, чтобы ты меня не теряла...» [Вавилов 2015: 77], здесь не проблематизируется доставка сообщения своему адресату. Основное содержание письма представляет собой попытку сына убедить мать в своем текущем благополучии («Но это детали, мама, а если в целом, / То у меня все чудесно, не вру, ей богу» [Вавилов 2015: 77]), а также сообщить ей о планах на будущее благополучие («Я редко бываю трезвым, но понемногу / Хочу дослужиться, мама, до адмирала. / Когда-нибудь я приеду к тебе весь в белом, / С букетом цветов, с медалью на левом ухе» [Вавилов 2015: 77]). Но сами конструкции, используемые отправителем (обобщающее и утаивающее детали «а если в целом» или утрированно-убеждающее «не вру, ей богу»), сигнализируют о мнимости демонстративно-бравурного тона первых шести строф стихотворения, что закономерно разрешается в последнем – седьмом – четверостишии:

Мне б только не износиться напропалую,
Поскольку не хватит сил, чтоб начать с начала.
Прости, если что. Скучаю. Люблю. Целую.

Успеть бы, мам, дослужиться – до адмирала [Вавилов 2015: 77].

Такое резкое смещение эмоциональной модальности (от напускного веселья до сомнения и признания собственного бессилия) для жанра письма кажется нехарактерным. Но именно это композиционное решение, основанное на контрасте между раздутой бравадой первых шести строф и элегически-грустным финалом, с одной стороны, ставит последнюю строфу в сильную смысловую позицию, с другой стороны, актуализирует *интимность* послания от сына к матери (что для этого жанра является одной из репрезентативных особенностей).

Еще одно стихотворение, герой которого обращается в письме к своим родителям – «Письмо Барака Обамы». Здесь стоит оговориться, что практически все стихотворения А. Вавилова, созданные в жанре послания, имеют ролевую природу, поскольку субъект речи в них – это почти всегда носитель «другого сознания», неравный лирическому герою, главный лик которого – это лик поэта. Однако именно в «Письме Барака Обамы» эта ролевая природа отражается особенно ярко, поскольку в нем изначально проявлен голос автора-повествователя («Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама / Пишет письмо родителям в условную „Оклахому“» [Вавилов 2009: 63]), а текст самого письма помещен в кавычки. Это обуславливается, во-первых, спецификой адресанта – реально существующего человека, который не первичен по отношению к поэтическому миру А. Вавилова, как другие герои его ролевых стихотворений, а во-вторых, гротесковой природой стихотворения, в центре которого – событие захвата русскими Белого дома («Какие-то русские с автоматами ходят по Белому дому, / Играют на балалайках, танцуют с медведями, пьют спиртное, / Используют оскорбительные выражения, говорят о штрафе...» [Вавилов 2009: 63]). Коллизия стихотворения основана на русско-американском противостоянии, но при этом реализация этой коллизии осуществляется в комическом ключе. Это происходит из-за ярко-выраженного утрирования образов: русских – в силу обращения к заурядным национальным стереотипам, президента США – в силу обнаженной в письме беспомощности (особенно в связи со спецификой адресатов), которая не корреспондирует с положением лидера государства:

Надо смотреть на них недовольным, осуждающим взглядом.
Надо делать хоть что-то! Хватит уже полагаться на чудо.
Как говорили Малдер и Скалли: «Русские где-то рядом».

Дорогие папа и мама, пожалуйста, заберите меня отсюда [Вавилов 2009: 63].

Но окончательная абсурдизация происходящего реализуется в стихотворении посредством минус-приема. Это связано с тем, что сам текст обладает нарративным потенциалом (рассказ о событии), однако главный повествовательный поворот вынесен за рамки: если в начале стихотворения Обама – еще президент, то финале его резко статус меняется: «Ваш сын, верный подданный демократического народа, / Экс-президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама, / Карусельщик нижнетагильского вагоностроительного завода» [Вавилов 2009: 63]. Абсурдизация здесь деформирует не только состояние мирового устройства, но саму форму письма, поскольку субъект речи имплицитно трансформировался за время создания послания.

Одним из главных поэтических «хитов» А. Вавилова стало стихотворение «Письмо из города бесов» – реакция автора на события 2019 года, развернувшиеся вокруг постройки храмов в центре Екатеринбурга. Название стихотворения апеллирует к высказыванию Владимира Соловьева, про что сам Вавилов со свойственной ему иронией заявляет: «Кажется, своим „Письмом из города бесов“ я сделал телеведущего Владимира Соловьева частью мировой литературы» [Вавилов: URL]. В этом стихотворении, как это происходит и в «Письме Барака Обамы», сопрягаются тема противостояния и прием абсурда, однако эта коллизия уже иного порядка, поскольку она вступает в зону не политического, а морально-нравственного дискурса. Содержание послания представляет собой отчет перед дьяволом: армия вурдалаков в битве за город потерпела поражение перед священной армией Господа. Но в средствах достижения цели каждой стороны видится рассогласование с классическим представлением о добре и зле: «Священная армия Господа вторглась во мрак, / Дубинками света сбивая греховные крыши.../ И газом травила, чтоб каждый тупой вурдалак / Уверовать смог в милосердие, данное свыше. / Но мы не сдавались, мы сеяли адский погром: / Катались на скейтах, играли на флейтах, скакали...» [Вавилов 2019: 5]. Именно в этом рассогласовании, когда представители «света» используют насильственные методы, а сподвижники «тьмы», напротив, демонстративно безобидны, проявляется саркастическая интенция стихотворения. Здесь важно обратиться к автокомментарию поэта, которым он предваряет видеoversию своего стихотворения: «Взрослые говорили, что монстров не существует. <...> Помню, как мама обняла меня и сказала: „Сашенька, тебе уже 30 годиков, скоро ты повзрослеешь и сам поймешь, что монстров не существует“. Да, когда-нибудь, наверное, повзрослею, но пару дней назад я сидел в кустах и записывал „Письмо из города бесов“<...>. Я, разумеется, знал, что все самое страшное с детьми происходит в кустах, но был уверен, что со мной ничего страшного не случится<...>. Как же я ошибался! Безжалостный монстр обнаглел настолько, что на 33 секунде появился в кадре, а на 57 секунде попытался установить контакт!» [Вавилов: URL]. Развернутый в комментарии саспенс разрешается появлением в кадре кота, его демонизация и переусложнение сущностидемонстрирует тот же принцип, по которому создается стихотворение. Утверждая формулу В. Соловьева (место отправления письма), поэт перегружает ее и доводит до состояния абсурда, что придает тексту статус не столько поэтического, сколько социального высказывания.

Однако поэтический мир А. Вавилова – это на самом деле мир, где «за каждым забором стоит Бафомет» [Вавилов 2019: 5], что связано с повторяющимися в его творчестве мотивами богооставленности и кризиса религии. Так, в преамбуле к стихотворению «Письмо Одину», лирический герой заявляет: «Я твердо уверен, что в небе, на самом верху / Один только Один людей не считает за стадо» [Вавилов 2019: 80]. Апелляция к образу стада здесь, с одной стороны, актуализирует христианскую символику (пастор и его паства), с другой стороны, сама формулировка «считать за стадо» (восприятие людей как группы животных, объединенных поведенческими механизмами) демонстрирует размывание этой символики, ее травестирование и утрату. В этом контексте послание Одину с прошением о помощи – это действительно послание из мира, оставленного Богом: «По меркам богов наши земли убогий бедлам, / Тупик эволюции, скопище пыли и мрака. / В провинции нашей, в убогом краю

заводском, / Где принято пить этанол за углом пищеблока / И каждый ребенок с депрессией близко знаком, / Плевать все хотели на судную ночь Рагнарека» [Вавилов 2019: 80]. Но здесь, как и в первом стихотворении, к которому мы обращались, адресант сталкивается с проблемой затрудненной коммуникации, поскольку туда, куда он пишет письма «не дойти почтальону из нашего мира» [Вавилов 2019: 80] (другое пространство и другая культура). Однако герой Вавилова уже выучено-находчив: если письменная коммуникация нерелевантна сложившейся ситуации, всегда можно попробовать обратиться к устной – так, его высказывание, в названии стихотворения обозначенное как «письмо», начинается со слов «послушай, старик».

Подводя итоги, можно сказать о том, что обращение к жанру письма, несмотря на сравнительно немногочисленное количество произведений в форме послания в контексте всего творчества А. Вавилова, является продуктивной поэтической стратегией. С одной стороны, благодаря особенностям, свойственным эпистолярному тексту, происходит расширение спектра ролевых стихотворений поэта и проблематизируется особый характер коммуникации, свойственный его художественному миру; с другой стороны, жанровые границы в индивидуально-авторском воплощении оказываются подвижны.

Литература

Артемова С. Ю. Лирическое послание в литературе XX века: поэтика жанра : автореф. ... дис. кан. филолог. наук : 10.01.08. Тверь, 2004. 23 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т. 24а. Полярные сияния – Прая. С. 679–679.

Вавилов А. В. Абсурд. Россия. Скотобаза. Екатеринбург : Пинта ветра, 2009. 112 с.

Вавилов А. В. Внутри молчания. Екатеринбург : Пинта ветра, 2015. 112 с.

Вавилов А. В. Евангелие от Люцифера. Екатеринбург : Пинта ветра, 2019. 112 с.

Вавилов А. В. Публичная страница «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/alexandr_vavilov (дата обращения – 30.03.2022).

Гаспаров М. Л. Послание // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М : НПК «Интелвак», 2001. С. 763.

Коробова Е. В. Жанр письма в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета. 2020. № 1. С. 22–29.

Noskova A. Y. Epistolary genre in the work of Alexander Vavilov

Abstract. The article is devoted to the specifics of the genre of epistles in the poetic work of A. Vavilov. The features of the subject and compositional structure of the poems "Letter", "Letter from the Fleet", "Letter from Barack Obama", "Letter from the city of demons", "Letter to Odin", as well as the originality of the communicative situation realized in the poet's artistic world. As a result of the analysis, it was concluded that the epistle is a variant of the role lyrics of A. Vavilov, and the boundaries of the genre in its individual author's embodiment are mobile.

Keywords: A. Vavilov, epistolary genre, communication, role poems, absurd.

В. В. Петров

(научн. руководитель *Н. А. Розачева*)

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

**Письмо / послание как форма интерпретации романа Ф. М. Достоевского
«Преступление и наказание» в фанфикшн-литературе**